

№

АНТРАКТЪ.

24.

Антракти выходятъ ежедневно, по воскресеньямъ. Цѣна годовому читателю (36 №№), съ доставкой на домъ, въ Москвѣ — 2 руб. сер.; полу-годовому — 1 руб. 30 коп. сер.; на три мѣсяца — 1 руб. сер. Для подписчиковъ же на театральныя афиши цѣна годовому изданию — 1 руб. сер. Подписка отъ иногородныхъ принимается только годовая и въ деревню въ другіе города прилагается 1 руб. 30 коп. сер. въ годъ (всего 2 руб. 30 коп. сер.). Срокъ подписки считается съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Подписка принимается ежедневно отъ 9 часовъ утра до 6 часовъ вечера въ конторѣ типографіи ИМПЕРАТОРСКИХЪ Московскихъ театровъ (на П. Смирнова), на Никольской улицѣ, въ домѣ графа Орлова-Давыдова, а во время спектаклей и въ книжной лавкѣ, въ Большомъ театрѣ.

Содержаніе: Оригиналъ и копія. — Курьезы, вопросы и замѣтки (Письма темныхъ людей. Сонъ въ руку, стихотвореніе. Письмо къ редактору. Въ альбомѣ актрисъ-капперкѣ, стих.). — Смѣсь. (Высочайшій подарокъ. Изъ Мадрида. Новый музыкальный инструментъ. По поводу празднествъ въ Валадьенѣ).

ОРИГИНАЛЪ И КОПІЯ.

(Изъ «драматическихъ этюдовъ» Гербера).

Зейдельманъ писалъ одному изъ своихъ молодыхъ друзей: «Посредственная оригинальная картина и сама по себѣ, и для успѣха искусства, имѣетъ болѣе цѣны самой вѣрной копіи. Да, наконецъ, развѣ копировать не то же самое, что зажечь чужую свѣчу и погасить свою собственную? Богъ далъ каждому что нибудь; надо только хорошенько поспать этого дара».

Задачи актера въ общихъ чертахъ заключаются въ подражаніи, перениманіи и способности передавать. Но, чтобы быть лицомъ, которое нужно воплотить, актеръ долженъ заботливо избѣгать, какъ проявленія своего собственнаго я, такъ и рабскаго подражанія въ этой роли кому нибудь изъ своихъ предшественниковъ, или сотоварищей.

Творящій актеръ не хочетъ сдѣлать что нибудь изъ ничего, онъ только хочетъ играть оригинально, чему способствуетъ врожденный ему даръ свободно и вполне углубиться въ твореніе писателя и воспроизвести его. Копіистъ же, когда ему дѣйствительно приходится проявить свою собственную силу, покажетъ только бѣдность своего артистическаго дарованія, потому что для него слишкомъ недостаточная опора заключается въ этомъ дарованіи. Гете говоритъ, что все, что художникъ даетъ людямъ, должно быть понятно и пріятно чувствамъ, должно возбуждать и привлекать, должно улаживать и успокаивать, должно питать, образовывать и возвышать духъ и, такимъ образомъ, художникъ, благодарный природѣ, которая создала его, воздастъ ей другой природой, но уже прочувствованной, продуманной и человѣчески законченной. Поэтому гений, оригинальный (призванный) художникъ, будетъ дѣйствовать по законамъ, по правиламъ, предписаннымъ ему самой природой и находящимъ въ ней свое основаніе и оправданіе. Оригинальный актеръ черпаетъ большія богатства въ законахъ и правилахъ, состоящихъ въ гармоническомъ согласіи съ природой и истинной, потому что, благодаря имъ, онъ научается управлять богатствами своей души, научается облагораживать и употреблять ихъ въ дѣло. Облагораживание природы есть необходимое условіе искусства.

Случайное совпаденіе характера какой нибудь роли съ характеромъ актера еще не достаточно для выраженія законченнаго представленія. Вѣрное изображеніе одного характера не можетъ еще дать драматическому таланту имени художника, какъ не заслуживаетъ имени «поэта» тотъ, кто удачно написалъ нѣсколько хорошихъ стиховъ, не обладая нужнымъ для этого художественнымъ образованіемъ. Хорошему актеру, какъ и хорошему писателю, всегда нужно имѣть въ своемъ распоряженіи вдохновеніе и силы разума. Всякое уродство фантазіи должно быть отвергаемо со спартанской строгостью. Одушевленіе не должно превращаться въ оцѣненіе, разумъ не долженъ пугать вдохновеніе. У оригинальнаго художника истинное величіе рѣш и движеній выражается достоинствомъ, мѣрою и граціею. Грація, какъ и добродѣтель, свободна и скромна. Ея прелесть, ея привлекательность исчезаютъ, какъ только ее захотятъ преднамѣренно выказать. Грація зрѣетъ внутри нравственно-прекрасной натуры. Если художнику не достаетъ зерна нравственнаго чувства, то у него пропадаетъ и грація. По выраженію Иппонъ-де-Ланкло, «красота безъ граціи — все равно, что удочка безъ приманки». Истинно-великій человѣкъ является во всѣхъ обстоятельствахъ полный достоинства, простоты и скромности, именно потому, что въ этой мудрой скромности заключается истинное величіе и грація. Душа художника должна быть способна легко воспламеняться всевозможными страстями, самыми противоположными ощущеніямъ и уметь мѣнять ихъ съ той быстротой, какая требуется изображаемыми характерами; душа художника понимаетъ тонкое свойство въ выраженіи бышенства безъ горячности, безпокойства въ видномъ спокойствіи и т. д. Актеру, по природѣ склонному къ горячности, будетъ трудно переходить отъ гнѣва къ грусти, равно какъ актеру, одаренному нѣжностью, будетъ труднѣе переходить отъ грусти къ гнѣву. Многіе ставятъ себѣ какъ будто въ заслугу свою холодно-благородную и сухую игру; такіе актеры изъ года въ годъ страиваются подъ безлпственными деревьями, подъ вебомъ, покрытымъ смѣловыми тучами. Они похожи на замерзшіе туманные образы, которые проходятъ по сценѣ и, не занимая своей формой, постоянно обладаютъ насъ какимъ-то непріятнымъ холодомъ.

Нельзя актеръ не можетъ изобразить великаго характера, если не обладаетъ внутреннею гевлотой.

Оригинальный актеръ имѣетъ живое понятіе о тысячѣ особенностей человеческой природы; онъ умѣетъ одушевить, воплотить и сдѣлать художественными образы, даппы ему поэтомъ. Стоя на сценѣ, онъ передаетъ аудиторіи не свои собственные изрѣченія, но изрѣченія самой Поэзіи. Развѣ его нельзя сраппать со жредомъ? Одушевленный своимъ призвапіемъ, актеръ можетъ сказать: «Царство мое ве отъ міра сего!» Онъ не принадлежитъ себѣ: душа его можетъ быть въ какомъ ей угодно состояніи, но онъ долженъ играть свою роль: однимъ словомъ, онъ долженъ быть не тѣмъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ.

Оригинальный актеръ опредѣляетъ собою постоянно краеугольный камень развитія въ исторіи драматическаго искусства.

Рабски подражать слезамъ, смѣху, непостоянству и т. п. другихъ, для того, чтобы этимъ показаться оригинальнымъ публикѣ,—ошибка, глупость невѣжды и доказываетъ почти всегда бездѣйствіе душевныхъ силъ. Разумѣется, надо изучить технические приемы и механическую ловкость; и то и другое почти всегда удается кописту; но копія даже съ знаменитыхъ мимиковъ суть не болѣе, какъ живыя доказательства и примѣры слабаго и безполезнаго искусства представлять. Не обращая вниманія на всѣ существенныя условія искусства, всѣ эти кописты занимаются въ сущности одною только вѣншею формою: имитация оригинальнаго актера, они стараются подмѣнить его свѣтлыя стороны, часто его ошибки и недостатки, иногда даже, чтобы выдать копію за свое собственное произведеніе, прибавляютъ они къ скопированному ими оригиналу нѣсколько отгѣнковъ собственного изобрѣтенія и, такимъ образомъ, въ потѣ лица «перерабатываютъ» все прекрасное.

Въ оригинальномъ созданіи дѣйствуетъ вкусъ; копія заботится о немъ очень мало. Такъ, напр., на какой побудительной встрѣчаемъ блестящія имена актеровъ, принадлежащихъ другой націи. У такихъ, часто богато одаренныхъ художниковъ-иностранцевъ остается обыкновенно въ изученномъ ими языкѣ акцентъ ихъ роднаго нарѣчія. Если они не могли оочпатительно сладить съ выговоромъ, ихъ побуждаютъ своего рода кокетство предвѣренно употребить свойственный ихъ языку акцентъ, чтобы въ то же время дать замѣтить публикѣ какого изученія и успій имъ стоппа эта работа и это дѣйствительно поражаетъ массу. Что же дѣлаетъ копистъ? Какъ только онъ услышитъ со сцены подобный иностранный выговоръ, онъ, поппдому, считаетъ себя обязаннымъ пренебречь своимъ роднымъ языкомъ и начинаетъ приукрашать свои роли такого рода чужеземнымъ акцентомъ, который, по его мнѣнію, можетъ придать имъ болѣе прелести и блеска. У перваго блестятъ искры настоящаго золота, тогда какъ подражатель его угощаетъ насъ отвратительной мшурой.

Оригинальный художникъ находитъ наслажденіе въ творчествѣ; подражатель иногда не проппкаетъ въ это святѣлище. Перваго облагораживаетъ его призваніе, во второмъ мы скоро узнаемъ испорчен-

ное дитя черни и, право, трудно повѣрять, чтобы долгое упражненіе на сценѣ могло въ немъ наконецъ развить способности къ драматическому искусству или умѣнье вѣрно судить и себя и другихъ.

Вотъ поговорка великаго Зейделямана: «Къ чорту блѣдную копію; намъ нужны оригиналы, полпыя свѣжихъ соковъ и крови!»

Съ кпп. А. Д.

КУРЬЕЗЫ, ВОПРОСЫ И ЗАМѢТКИ.

ПИСЬМА ТЕПНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

— На этотъ разъ мы намѣрены серьезно, слышите-ли, совершенно серьезно допросить васъ. Признайтесь: страдаете вы разлитіемъ желчи? Читали вы въ Русскихъ Вѣдомостяхъ (№ 62): «Дебютъ г-жи Чумаковской состоялся и имѣлъ большой успѣхъ, такъ что пашу сцену можно поздравить съ хорошимъ приобрѣтеніемъ новой артпстки»? Читали вы въ Современной Литературѣ (№ 19): «Г-жа Чумаковская имѣла уже свои три дебюта, и умнымъ, серьезнымъ, хотя, *быть можетъ* (sic), и недостаточно оожпленнымъ исполненіемъ своихъ ролей, вмѣстѣ съ умѣньемъ прекрасно проппосить стихи и фразировать куплеты, несомнѣнно показала, что можетъ «послужить для нашей сцены очень полезнымъ приобрѣтеніемъ»? Читали вы въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ (№ 140): «Наружность г-жи Чумаковской очень эффектна для сцены. Роль Олимпіады Самсоппы она исполняла, отъ начала до конца, съ большимъ тактомъ. Замѣтно, что дебютантка много трудилась: каждое слово, каждая фраза ея «была (и) поппѣ осмыслена (ы)»? Читали вы все это? Скажите, на милость: какъ же могло случиться, что вы-то не нашли въ пей ничего этого, вы, одни вы? Не вы ли же сами, наконецъ, свидѣтельствуете противъ себя, говоря, что и публика хорошо приняла г-жу Чумаковскую? Извѣстно-ли вамъ, что г. Азонель, по обязанности фельетониста, обрекавшій себя на жертву, вынесъ изъ спектакля съ г-жею Чумаковской *самое отрадное впечатлѣніе*? Извольте видѣть, самъ г. Азонель! Что-же это вы-то раскривались? И не желчь это съ вашей стороны? И можно послѣ этого вѣрить вамъ, полагаться на ваши отзывы? Ну, не говорите о театрѣ никто, кромѣ васъ, вѣдь сценѣ то пашей быть бы на этотъ разъ безъ *полезнаго приобрѣтенія*. Да и всѣхъ то васъ, господъ рецензентовъ, трудно разобрать. Вотъ хоть бы насчетъ Липовской опять: одинъ говоритъ, что голосъ у нея *пріятный* (Совр. Лит. № 19), другой, что голосъ ея *пріятенъ* (Рус. Вѣд. № 64), а третій говоритъ, что въ пѣніи ея слышались *хрипота и осиплость* (Аптр. № 21). Вотъ тутъ и поди, пойми да разбери насъ! Или, напр., одинъ говоритъ, что Самойловъ холодевъ, а другіе (Рус. Вѣд. № 64) увѣряютъ, что «талантъ Самойлова выказывается въ каждой роли съ жаромъ»; или еще: Азонель извѣщаетъ, что Чумаковская—на роли Савиной (Петерб. Вѣд. № 140), а Москвичъ утверждаетъ, что та же г-жа Чумаковская—на роли Бороздиной (Рус. Вѣд. № 61). Кому же вѣрить?

— Знаете-ли, что теперь человеку, небывающему въ театрѣ, по милости рецензій, путнаго понятія нѣтъ о двойнѣ составитъ нельзя? Недавно въ одной гостиницѣ зашла рѣчь о *Самодурцахъ*; мы, обскуранты, люди темные сейчасъ было за чужой свѣтъ, стали съ вашего голоса говорить, что нѣсеа самыхъ сомнительныхъ достоинствъ. Помилуйте, возражали намъ, *при есемъ томъ произведеніи г. Писемскаго до такой степени сценично*. Мы было стали спорить, но намъ сейчасъ же указали на № 54 Петерб. Вѣд., гдѣ Азовель изрекъ именно эти, подчеркнутыя нами выше слова. Мы говорили, что въ нѣсѣ много совершенно лишняго и крайне безынтереснаго и, между прочимъ, указали на влчій разговоръ садоянниковъ въ 4 мѣ дѣйствіи. «Какъ! что!» — раздалися голоса — да въдъ этотъ разговоръ какъ бы (sic) *родственный разговоръ моголицычкова у Шекспира (sic), о которомъ составляетъ капитальное достоинство новаго произведенія Писемскаго*. Мы было опять раскрыли ротъ. Но намъ опять показали именно эти самыя слова въ статьѣ г. Н. Н., въ № 11 Совр. Лѣтописи.

— Замѣтили ли вы, что драма *Ришелье* была обставлена большею частію костюмами изъ *Гугенотовъ*? Не согласны ли были бы вы, вмѣстѣ съ вами, желать, чтобы означенная драма давалась почаше и чтобы костюмы ея сильнѣе потерлись въ свирѣпомъ болѣею частію дѣйствіи ея дѣйствующихъ лицъ? Быть можетъ, тогда нечего было бы и думать нашимъ пѣвцамъ о вторичномъ возобновленіи оперы, которая и безъ того уже довольно пострадала отъ нихъ? Нельзя ли съ этой точки зрѣнія видѣть даже нѣчто благотворное въ постановкѣ на нашу сцену такъ озлобившей васъ драмы?

— Кстати, неужели-таки въ самомъ дѣлѣ драма *Ришелье* англійскаго издѣлія? А! скажите! Англичане-то! Образованный-то народъ! Просвѣщенные мореплаватели! Изъ кардинала угораздилось сдѣлать какую-то тринадцатую витушку, которую не захочетъ забавляться и иной смѣшанный ребенок!

— Правда-ли, что у насъ уже вывелись обычай *переносить декорации между картинами одного и того же акта*, какъ свидѣтельствуешь объ этомъ г. Н. Н. въ статьѣ своей (Совр. Лѣт. № 19)? Если только это правда, то въдъ это все вы съ вашимъ Шекспиромъ надѣлалъ: нашъ театръ возвращается не только къ шекспировскимъ нѣсамъ, но даже и къ сценической обстановкѣ временъ Шекспира. Неужели-же, въ самомъ дѣлѣ, всѣ картины, сколько бы ихъ ни было въ дѣйствіи, происходятъ въ одной и той-же декорации? Это нововведеніе очень любопытно.

— Читали ли вы въ Вѣдомостяхъ Московской Городской Полиціи (№ 132) извѣщеніе о томъ, что въ Сокольникахъ, на дачѣ Монина, между прочимъ увеселеніями, «ежедневно будутъ исполнены разныя русскія пѣсни подъ управленіемъ М-ше ШУЛЬЦЪ», при чемъ имя этой мадаме (замѣтьте, — не госпожи) напечатано прекрупными буквами? Ну, не правда-ли, что и о сию пору рѣшительно намъ безынтересно нѣтъ спасенья? Ну, можно-ли, скажите, безъ удивленія подумать объ этой пѣмецкой мадамѣ, снпзшедшей до русскія пѣсень?

— Въ *Извѣщеніи* отъ Русскаго Музыкальнаго

Общества въ Москвѣ (Моск. Вѣд. № 128) мы прочли, что въ будущей московской консерваторіи *литавры* будутъ имѣть своего *профессора*, именно г. Кегеля. Намъ очень бы интересно было узнать, будутъ ли также существовать при консерваторіи и профессура барабана, трехъугольника, колокольчика и другихъ инструментовъ этого рода? Если будутъ, то почему же не объявлены имена ихъ *профессоровъ*? Если не будутъ, то почему обойдены, или, больше, обижены эти инструменты передъ литаврами и почему консерваторія лишаетъ возможность желаніи развивать природныя способности къ упражненію на этихъ инструментахъ, не менѣе почтенныхъ, чѣмъ и литавры? На чемъ основывается такая нерѣвноправность между этими инструментами и литаврами? Почему, наконецъ, консерваторія предполагаетъ, что, такъ какъ *каждый поступающій можетъ, по своему выбору, посвятить себя изученію того или другаго предмета музыкальнаго искусства и потомъ удостоиться званія свободного художника и сопряженныхъ съ онымъ правъ личнаго почетнаго гражданина (свободы отъ податей и рекрутской повинности)*, то охотниковъ упражняться на барабанѣ, трехъугольникѣ, колокольчикѣхъ не найдется также много, какъ и охотниковъ упражняться, ради тѣхъ же благополучій, на литаврахъ? А что литавристовъ въ консерваторіи окажется огромное количество — въ этомъ не можетъ быть, кажется, и сомнѣнія. Что, въ самомъ дѣлѣ, лучше: платить подати и нести рекрутскую повинность, или играть на литаврахъ и быть свободнымъ художникомъ? Выборъ очень не труденъ.

— Кстати, войдетъ ли въ составъ преподаванія *Теоріи музыкальныхъ сочиненій* — также и *теорія сочиненія музыкальныхъ статей*? Мы думаемъ, что послѣдній предметъ, по своей важности, долженъ бы составлять отдѣльную кафедру, тѣмъ болѣе, что въ Москвѣ для нея нашлся бы и совершенно достойный и заслуженный *профессоръ*. Щадя скромности этого литературнѣйшаго человека, мы не назовемъ его по имени; по кто не знаетъ этого имени и кто не догадается, на кого указываемъ мы?

— Мы даже находимъ, что консерваторія оказала бы не малую услугу, если бы открыла у себя кафедру *Теоріи чтенія и пониманія музыкальныхъ статей*. Изъ этихъ статей наилучшими въ настоящее время почтятся тѣ, которыя менѣе понимаются читателями ихъ. Въ этомъ отношеніи особенную услугу оказалъ современной музыкальной критикѣ г. Пановскій, музыкальные фельетоны котораго могутъ, по всей справедливости, назваться въ этомъ отношеніи образцовыми. Ультро-ученыя, написанныя на русскомъ языкѣ и напечатанныя русскими шрифтомъ, статьи эти оказываются неудобочитаемыми для русскаго читателя, не вооруженнаго всевозможными иноязычными словарями. Глаза и языкъ безпрестанно спотыкаются въ этихъ статьяхъ о *каденцы, триллеры, стретты* и многое другое въ такомъ же родѣ. А между тѣмъ высоко-ученыя образцы поражаютъ безчисленныя копіи, и вотъ еще недавно въ Московской Газетѣ явился достойный подражатель г. Пановскаго, г. Платоновъ, который, между прочимъ, напр., утверждаетъ, что у г-жи Анненской *звучъ голоса слишкомъ айги* (Моск. Газ. № 16). Какъ

вамъ нравится это безподобное: «aigu»? Ну, какъ же въ виду всего этого не завести консерваторіи особеннаго *профессора*, который бы вразумлялъ, какъ нужно читать современныя статьи о музыкальных явленіяхъ? Мы первые бы записались слушателями лекцій этого профессора и аккуратно вносили бы каждый по 25 р. с. въ годъ за обученіе предмету, которому безъ консерваторіи ни за какія деньги не научишься.

— Не слишкомъ ли опрометчиво распределены начальствомъ консерваторіи по кафедрамъ профессора? Не послѣшпала ли слишкомъ консерваторія назначить, напр. профессоромъ скрипичнаго искусства г. Лауба, о которомъ г. Платоновъ (Моск. Газ. № 16) утверждаетъ, что—«увы! въ его скрипкѣ нѣтъ потрясающихъ душу звуковъ, мягкости, звучныхъ нотъ и даже *необходимой чистоты*»? Что же это за *профессоръ*, у котораго нѣтъ *даже необходимой чистоты*? Впрочемъ, вопросъ еще: о какой *чистотѣ*, идетъ тутъ рѣчь? Можетъ быть, тутъ слово *чистота* является синонимомъ *опрятности*? Въ статьѣ г. Платонова сказано очень глухо и отвѣта на этотъ вопросъ мы не находимъ. Потомъ, мы не знаемъ также, о какихъ *потрашающихъ душу звукахъ* упоминаетъ музыкальный критикъ? Вѣдь *потрашающіе душу звуки* издаются и уличными пѣсенниками, и медвѣдями, и несмазанными телѣгами и мало ли еще къмъ и чѣмъ.

— Знаете-ли вы, что г-жа Кукки, которая вамъ такъ не приглянулась, *дѣлала антраца* ея 8? Вы спросите, что значитъ: «дѣлать антраца ея 8»? Не знаемъ, право; а только, вѣрно, что нибудь да значить, потому что это вычитали мы въ статьѣ г. Пановскаго (Совр. Лѣт. № 14), который, должно быть, ужъ что нибудь такое да усчиталъ у австрійской танцовщицы. Вѣдь онъ, пренаблюдательный! Не даромъ же говоритъ онъ, въ этой же статьѣ, что *требованія искусства строги и взыскательны*! Ухъ, какъ строги! Ну, п *взыскательны* тоже, какъ само искусство! Непремѣнно что нибудь подмѣтитъ или высчитаетъ. Такой критиканъ! Онъ замѣтитъ у танцовщицы даже и то, что *малѣйшаго поступательнаго движенія не строго прима* (тамъ-же).

— Кстати, не знаете-ли вы, что значитъ слово: *кабриоль*, которое мы нашли въ той же статьѣ г. Пановскаго? Мы думали, что это французское слово переводится на русскій языкъ словомъ: *прыжокъ*; да нѣтъ. О *прыжкахъ* г. Пановскій говоритъ особенно, само собою. У него сказано, что *кабриолы* у г-жи Кукки *неподражаемо хороши*, а о *прыжкахъ* далѣе говорится, что они *слабы и кривы*. Мы, въ своей простотѣ, думали, что и слово *актриа* тоже по русски значитъ *прыжокъ*; а между тѣмъ у г. Пановскаго и это слово имѣетъ особенное какое-то значеніе, потому что объ *актриа* онъ опять такъ тутъ же говоритъ особенно. Ну, какъ тутъ не досадовать на свою неученость? Почти рядомъ, въ шести строкахъ, употреблены три совершенно однозначашія слова и, конечно, въ разныхъ значеніяхъ, потому что иначе къ чему же бы вывертывать слово на разные языки и на всякія манеры? Г. Пановскій проста ничего не сдѣлаетъ.

— Въ Уведомленіи отъ Музыкальнаго Общества

профессоромъ декламаціи названъ г. Сѣтовъ. Скажите, пожалуйста, что собственно надо разумѣть подъ *декламаціей*? Правильно-ли, переводимъ мы это слово, производя его отъ латинскаго глагола *clamare* (кричу) и латинскаго же предлога *de* (вы, изъ),— русскимъ словомъ: *выкрикиваніе*?

Обскуранты.

СОНЪ ВЪ РУКУ.

Мнѣ снился Ршгелъе. Передо мной возсталъ Сухая, мрачная фигура кардинала. Въ сугавѣ, въ красномъ песь, онъ былъ печаленъ, строгъ

И вдругъ проговорилъ такой мнѣ монологъ:
«Кому нужда была сказать, что въ новой драмѣ
«Творецъ ея шутилъ плохую шутку съ памп:
«Съ отцомъ Іосифомъ, со мной и съ королемъ?
«Пускай бы авторъ былъ отчаяннымъ вралемъ!
«Пускай бы исказить онъ меня намѣренъ!
«Пусть говорили-бы, что я пѣ піесѣ *вырени* (*),
«Что изъ исторіи я прямо взялъ туда,
«Что драма эта—плодъ успѣшнаго труда,
«Что я en robe de chambre (**), показавъ въ черномъ тѣлѣ,
«Что штукаремъ такимъ я былъ на самомъ дѣлѣ.
«Что было шутовство мнѣ, стало быть, съ руки!
«Пускай, исторіи и смыслу вопреки,
«Твердила бы, что все въ піесѣ такъ прозрачно,
«Что авторомъ *моментъ для драмы взять удачно* (*).
«Что *показать сумѣлъ онъ въ ней игру страстей* (*),
«Что *честно-добецъ тамъ въ борьбѣ изъ за чести* (*),
«Что даже публика на драмѣ *отдохнула* (*).
«Пусть журналstica еще бы что *обреснула* (**).
«Какая въ томъ бѣда?... За то былъ счастливъ я!
«О, какъ восприняла пѣзъ гроба тѣнь моя!
«Сначала я было пришелъ въ негодованье,
«Смотря на жалкое, пустое малеванье;
«Но, увидавъ, какимъ я могъ быть пошлякомъ,
«Какимъ бездѣльникомъ, противнымъ старикомъ,
«Когда-бъ охотникъ былъ въ постелѣ такъ валяться,
«Съ убійцами шутить, да мертвымъ притворяться,
«Иные разные изобрѣтать грѣшки,
«Чуть не кувиркаться, выдѣлывать прыжки
«И корчить пѣзъ себя придворнаго буяна;
«Ну, словомъ, упдавъ, что это обезьяна
«Мопмъ лишь пменемъ на сценѣ названа, —
«Я драму полюбилъ. Желалъ, чтобы она
«Вездѣ всѣмъ нравилась; я ей желалъ успѣха
«И новой смертію я умиралъ отъ смѣха.
«И вотъ ужъ для меня забавы этой нѣтъ!
«Вѣдь безъ дурачества несносенъ былъ бы свѣтъ:
«Для человечества дурачество—отрада,
«Кому же осуждать піесу было надо?»

(*) Рус. Вѣд. № 66.

(**) Совр. Лѣтоп. № 20.

(***) Я позволилъ себѣ, для большей ясности и силы, употребить выраженіе автора русской переводки *Орбелъ въ аду*. Авт.

«Что-жь, легче-ль отъ того? Большой-ли въ этомъ толкъ?»
И мрачный кардиналъ нахмурился, умолкъ.
Я на лицѣ его прочелъ томленье, скуку
И скоро онъ исчезъ.—Не правда-ли, сонъ въ руку?

W.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.

М. Г.

Письмо мое раздѣляю я на двѣ части, пзъ которыхъ первую прошу напечатать въ отдѣлѣ Смѣси вашего листка, а другую прошу принять къ свѣдѣнію.

Для печати: Недавно оказалось, что во Франціи, въ одномъ небольшомъ городкѣ департамента Сены, живетъ феноменъ—молодая безрукая и безногая дѣвушка, очень хорошо сложенная и совершенная красавица лицомъ. Въмѣсто рукъ и ногъ, этой красавицѣ во всемъ служатъ языки. Не буду распространяться о всемъ томъ, что способна дѣлать она посредствомъ языка; скажу только о томъ пзъ ея дѣйствій, которое прямо относится къ вашей газетѣ. Эта удивительная дѣвушка прекрасно играетъ языкомъ на фортепіано и исполняетъ самыя трудныя фортепьянныя піесы, написанныя для четырехъ рукъ. Говорятъ, нельзя безъ очарованія смотрѣть, какъ, во время игры, ея языкъ граціозно ударяется (и отнюдь не *шлепаетъ*) о клавиши и съ какою быстротою и змѣноподобною гибкостью бѣгаетъ по нимъ. Ее ждутъ скоро въ Парижъ; а по дорогѣ она даетъ въ разныхъ городахъ концерты, првводитъ всѣхъ посѣтителей ея концертовъ въ неописанный восторгъ и вызываетъ самыя восторженные рукоплесканія. Въ Соассонѣ (при рѣкѣ Энѣ) концертаткѣ былъ подпесепъ пзящно сдѣланный пзъ червоннаго золота и усыпанный брилліантами лавровый вѣнокъ, который піанистка, по просьбѣ восторженныхъ почитателей ея таланта, тутъ же возложила на свой языкъ, при оглушительныхъ восторженныхъ крикахъ самаго неподдѣльнаго восторга.

Не для печати: Не смущайтесь помѣщеніемъ этого извѣстія въ Антрактѣ. Будьте увѣрены, что оно съ большимъ интересомъ прочтется и къ нему отнесутся очень серьезно, ему повѣрятъ. Вѣдь отнеслись же серьезно и повѣряли же извѣстію, напечатанному въ Варшавскомъ Дневникѣ, о томъ, что въ Пшаснышскомъ уѣздѣ вихремъ у какого-то венгерца *товары были брошены въ прудъ, сами онъ на дѣлѣ шаговъ очутился за прудомъ, а палка его оказалась въ избѣ, въ которую онъ и не входилъ, или что, по милости этого же вихря, въ одной избѣ находящійся на кровати пуховикъ попалъ въ каминъ и выскочилъ на воздухъ черезъ трубу.* Все это читалось всѣмъ и даже перепечатывалось безо всякихъ оговорокъ и, стало быть, безъ малѣйшаго недоуверія къ описанному, въ разныхъ очень серьезныхъ и почтенныхъ газетахъ (Моск. Вѣд. № 118, Петерб. Вѣд. № 154 и др.). Это интересное сообщеніе Варшавскаго Дневника и—главное—необыкновенно любопытное (по своей серьезности) отношеніе къ нему

читающей публики подало мнѣ мысль составить пѣчто подобное и для Антракта. По этому образчику вы можете въ каждомъ № вашего листка дѣлать множество надлюбопытѣйшихъ сообщеній. Право, примите этотъ совѣтъ къ свѣдѣнію: онъ пригодится. Примите и проч.

Радълецъ русской излищной словесности.

P. S. Въ концѣ моего извѣстія, для пущаго эффекта, я подпустилъ побольше восторга. Это тоже не мѣшаетъ и не мало приукрашаетъ всякаго рода сообщенія. Вы этотъ восторгъ такъ и оставьте.

ВЪ АЛЬБОМѢ АКТИНСЪ-КАНКАНЕРКЪ.

Вотъ и до вашего альбома
Я добрался. Въ альбомахъ я
Теперь рѣшительно, какъ дома.
Альбомы—пассія моя.
Скорѣй же мнѣ альбомъ вашъ дайте;
Но лишь, прошу—не ожидайте,
Чтобъ я рондо вамъ написалъ,
Иль буриме, иль мадригалъ.
Для буриме, для мадригала
Во мнѣ искусства очень мало;
Къ тому-жь и въ словѣ у меня
Нѣтъ блеска, яркости, огня;
Оно нерѣдко жестко, вяло,
Неповоротливо порой.
Нѣтъ, мадригалы—родъ не мой.
Не разражусь я диепранбомъ,
А безъ затѣи лучше вамъ
Простымъ четырехстопнымъ ябломъ
Восторгъ мой полный передамъ.
Почти во всякомъ водевилѣ
Вы исполняете канканъ
И гнете вашъ негибкій станъ
Хоть не въ пзящно-строгомъ стилѣ,
Но презаманчиво на взглядъ;
Пассажей смѣлыхъ цѣлый рядъ
Вы вдругъ исполните шиказно,
Хоть и не очень граціозно;
Потомъ, чтобъ всѣхъ очаровать,
Начнете бойко, вдохновенно,
Хоть черезчуръ ужъ откровенно
Подолъ у платья поднимать.
Все это очень не антично
И даже просто непримично;—
Да вамъ-то что-же до того?
Вы несравненны, неподобны,
Такъ къ хореграфіи способны!
Вамъ танецъ вашъ милѣй всего.
Пусть говорятъ, что все въ немъ сально,
И некрасиво, и скандально!
Не вѣрьте, право, никому.
Искусству только своему
Неукоснительно служите.
Какъ дважды—два, всѣмъ докажете,
Что Греки плохо знали счетъ,
Что мифологія ихъ вретъ,

Что лишь ошибкой въ древнемъ мірѣ
Считалось граціѣ не чегыре
И что пѣ четвертой недочетъ
За тѣмъ, что васъ недостаетъ.

W.

С М Ъ С Ъ.

— Государь Императоръ изволилъ пожаловать танцовщицѣ Лебедевой брилліантовый фермуаръ за участіе ея въ царскосельскихъ спектакляхъ.

— Мадридская музыкальная газета извѣщаетъ о большомъ успѣхѣ, который имѣетъ въ Мадридѣ на театрѣ Россіи пѣвица нашей московской оперы, г-жа Опопе. Такимъ же успѣхомъ пользуются тамъ: нашъ старый знакомецъ Стеллеръ и примадонна петербургской итальянской оперы, г-жа Барбо. Въ концертѣ, бывшемъ 2/4 сего іюня на этомъ театрѣ, участвовалъ скрипачъ московскихъ театровъ, г. Безекпрскій; мадридская Музыкальная газета отзывается объ немъ съ большою похвалою.

— Извѣстный въ Варшавѣ фабрикантъ духовыхъ инструментовъ Гліе, по увѣренію «Варшавскаго Дневника», нѣсколько лѣтъ тому назадъ приобрѣлъ въ Россіи громадной величины воловій рогъ, который превратилъ въ прекрасный музыкальный инструментъ. Въ концертѣ, данномъ недавно въ Дрезденѣ директоромъ тамошняго оркестра, Малеромъ, принялъ участіе и г. Гліе съ своимъ бывалымъ до сихъ поръ инструментомъ. Тонъ этого инструмента до такой степени нѣженъ и мелодиченъ, что далеко оставляетъ за собою всѣ мѣдные инструменты, звукъ которыхъ, сравнительно, гораздо рѣзче. Г. Гліе исполнялъ нѣсколько пѣсень allegro и andante и увлекъ всѣхъ своимъ инструментомъ, который самъ по себѣ есть ничто иное, какъ прекрасно обдѣланный воловій рогъ. Рогъ этотъ имѣетъ 54 дюйма и 4 линіи длины и 6 дюймовъ въ поперечникѣ. Изобрѣтатель свадилъ рогъ нейзильберными клапанами. Въ настоящее время пелія опредѣлитъ стоимость этого инструмента: онъ *безцѣненъ*. По

крайней мѣрѣ, самъ г. Гліе не хочетъ продавать его за какія деньги, въ полной увѣренности, что найдти другой подобный рогъ, который бы такъ хорошо соответствовалъ всѣмъ условіямъ музыкальности звука,—будетъ не легко. Очень можетъ быть, что этотъ инструментъ будетъ единственнымъ въ своемъ родѣ.

— По поводу представленій, устроенныхъ въ Валасьенѣ въ честь народныхъ празднествъ 17, 18 и 19 іюня, «*Journal pour tous*» говоритъ слѣдующее: «Въ 1547 году въ Валасьенѣ, для торжественнаго празднества, на театрѣ представлена была мистерія *Жизни, страсти и смерти Господа Иисуса Христа*, и сборъ простирался до 4,680 ливровъ, хотя въ то время за мѣста платилось не по пятидесяти франковъ, какъ случается теперь, а по одному *марку*. Зрителямъ же 1866 года, вмѣсто мистеріи, предложена не какая нибудь пѣса богатаго классическаго репертуара, а интермедія съ эффектнымъ декорациями и массами народа, носящая многоговорящее названіе: *Человѣчество на пути цивилизаціи и прогресса*. Чего можно было ожидать по одному только заглавію, и что увидѣли зрители?—Ничто иное, какъ процессію, въ которой участвовало болѣе двухъ тысячъ человѣкъ, тридцать котесницъ со свитою, и прочее. Роскошь, правда, изумительная, передъ которою ничто праздники пшподрома; но ужъ за тѣмъ ничего болѣе. Передъ зрителями прошли постепенно Египетъ, Іудея, Халдея, Ассирія, Финикія, Персія, Греція, Римъ времени Августа, Аравія, Крестовые походы, освобожденіе общины, открытіе Америки, Индія, изобрѣтеніе книгопечатанія, XVI, XVII и XVIII столѣтія, 1789 годъ, консульство, имперія и первая половина XIX столѣтія. Праздникъ 1547 года продолжался двадцать пять дней и, безъ сомнѣнія, сильно интересовалъ неизбалованныхъ спектаклями зрителей, принявшихъ въ этомъ участіе и благоговѣйное, и сердечное. Чему, кромѣ празднаго любопытства, удовлетворить нынѣшняя процессія съ ея колесницами? Постановка разныхъ *Сандрильонъ* и *Лисельзъ ланей* стояла такихъ же сотенъ тысячъ франковъ; роскошью въ наше время удивить мудрено, и еще мудренѣея тобъ нынѣшняя публика приняла это представленіе за урокъ археологій и исторіи.

Ред. А. Баженовъ. За кзд. Ив. Смирновъ. (Ред. на Молчаповѣ, въ Голенинскомъ пер., въ д. Дуровой).

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Имѣю честь объявить Гг. московскимъ и дачнымъ жителямъ, что недавно прибылъ въ Москву, на Ходынское поле въ лагерь, хоръ кларнетной музыки изъ 50 человѣкъ. Гг. желающихъ приглашать этотъ хоръ, прошу адресоваться ко мнѣ въ лагерь.

Капельмейстеръ Е. Англичанинъ.

ВЪ МАГАЗИНЪ Я. Р. ВИЛЛИАМЪ

(BAZAR DU VOYAGE),

въ домъ Рышетникова, на углу Петровки и Столешниковскаго переулка,

ПОЛУЧЕНЪ ВО ВСЕШОЙ ВЫБОРЪ

РУЖЕЙ, ПИСТОЛЕТОВЪ И РЕВОЛЬВЕРОВЪ

всѣхъ системъ, Англійскихъ, Французскихъ и Бельгійскихъ извѣстныхъ мастеровъ.

ПОЛНЫЙ ВЫБОРЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ ДЛЯ ОХОТЫ И ДОРОЖНЫХЪ ВЕЩЕЙ, НЕСГАРАЕМЫХЪ ШКАФОВЪ, ШКАТУЛОКЪ И СУНДУКОВЪ.

1—263.

ВЪ МАГАЗИНЪ ДАБО.

ПРИДВОРНЫЙ

ПОСТАВЩИКЪ.

На Кузнецкомъ мосту, въ д. Дабо,

О Б О И

разныхъ сортовъ, самыхъ новыхъ отъ 20 коп. за кусокъ и дороже; вновь получены клеенки для столовъ и половъ и шторы. 13—25.

ГИМНАСТИКА

заклѣвающаяся изъ 10 разн. штукъ для дѣтей и взрослыхъ, удобная для садовъ и комнатъ, продается и отдѣльными частями.

ФЕЙЕРВЕРКИ

дѣтскіе садовые и комнатные отъ 5 к. и дороже.

ФОНАРИ

для освѣщенія дачъ отъ 3 к., и отпускаются напрокатъ.

КОЛДАСОЧКИ

дѣтскія разныхъ сортовъ и цѣнъ, и разныхъ игрушекъ въ большомъ выборѣ.

ВЪ ДѢЛО ИГРУШЕКЪ

ГУБКИНА,

въ началѣ Газетнаго переулка, протязъ Корещенко.

0—265.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЯ КАРТОЧКИ:

ДѢТСКІЕ ТИПЫ,

«types d'enfants»

ОТЛИЧНО ИЛЛЮМИНОВАННЫЯ

получены изъ БЕРЛИНА въ магазинѣ

П. П. КОЗЛОВА

на Петровкѣ, рядомъ съ магаз. Гечл.

0—257.

**ВЪ САДУ ЧЕРЕМУШКАХЪ,
НА ДАЧЪ КНЯЗЯ МЕНЬЩИКОВА,**

въ Среду 29 Іюня, имѣеть быть

БОЛЬШОЕ ГУЛЯНЬЕ,

на которомъ будетъ играть хоръ музыки; полная иллюминація сада, а въ 10½ часовъ на пруду сожженъ будетъ ФЕЙЕРВЕРКЪ въ трехъ отдѣленіяхъ. — Кафе-ресторанъ открытъ ежедневно, гдѣ можно получать чай, кофе, шоколадъ, мороженое, кушанье и вина по прейсъ-куранту.

ВХОДЪ БЕЗПЛАТНЫЙ.

Въ случаѣ несчастной погоды, гулянье отменяется впредь до публикаціи. Провѣздъ за Серпуховскую заставу, поворотъ на право, около будки.

РУССКАЯ ФОТОГРАФІЯ

на Волхонкѣ, въ домъ Кирьякова, въ Москвѣ,

**ВЪ ДЕНЬ Св. АПОСТОЛЪ: ПЕТРА и ПАВЛА
29 ІЮНЯ БУДЕТЪ ЗАКРЫТА.**